

трактовку темы, особо, притом, близкую тексту Горация. Цитат не приводим для сбережения места. Заметим только, что вообще, естественно, чуждый типичным горадианским одам (из них исходила Плейда), Малерб не раз исходит в своей работе из так наз. «римских од» Горация, т. е. тех шести од (III, 1—6), которые прославляли августианскую реставрацию. Причины без объяснений понятны. У Ломоносова нет следов «римских од». Блестящее четверостишие:

Герои были до Атрида,
Но древность скрыла их от нас,
Что дел их не оставил вида
Гремящий стихотворцев глас

переведено из IV, 9 (vixere fortes ante Agamemnona...).

4

Низвержение гиганта, после оды 1741 г. (где оно занимает три строфы 9—11), прочно вошло в обиход одической поэзии, причем, согласно общей тенденции классицизма к закреплению образа за предметом, гигант (или его различные замены: Антей, исполиц, великан, дракон и др.) становится почти словарным обозначением одиозного и опасного политического лица. Кроме Бирона, образ-формула удобно применим к перевороту 1742 г. Исходя из этой формулы, Ломоносов составил проект иллюминации 1753 г. (на день восшествия Елизаветы Петровны) и соответствующие стихи:

... Взирая на сего Елизавет дракона
... Минервы чудный в ней изображался вид
... Без грому молния из ясности блистая
В Драконовы главы и в сердце ударяя,
Смутила горду кровь, пронзила грозной взор.
Сражен, прогнан, убог Рифейских дале гор.

В ломоносовский период оды создан на основе этих образцов («В Ломоносов след», как типично выражается Державин в 1772 г.) устойчивый словарь, неизменно повторяющийся при воспоминаниях о событиях 1741 и 1742 гг. В 1762 г., за нелепостью приравнения Петра III исполину или дракону, возобладала другая лексика: «оний ужас» и «счастливая премена», тоже Малербова (об этом ниже), но попытки вернуться к ломоносовскому испо-